

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](http://Royallib.com)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

О. Генри.

Бабье лето Джонсона Сухого Лога

<p>Dry Valley Johnson shook the bottle. You have to shake the bottle before using; for sulphur will not dissolve. Then Dry Valley saturated a small sponge with the liquid and rubbed it carefully into the roots of his hair. Besides sulphur there was sugar of lead in it and tincture of nux vomica and bay rum. Dry Valley found the recipe in a Sunday newspaper. You must next be told why a strong man came to fall a victim to a Beauty Hint.</p>	<p>Джонсон Сухой Лог встряхнул бутылку. Полагалось перед употреблением взбалтывать, так как сера не растворяется. Затем Сухой Лог смочил маленькую губку и принялся втирать жидкость в кожу на голове у корней волос. Кроме серы, в состав входил еще уксуснокислый свинец, настойка стрихнина и лавровишневая вода. Сухой Лог вычитал этот рецепт из воскресной газеты. А теперь надо объяснить, как случилось, что сильный мужчина пал жертвой косметики.</p>
<p>Dry Valley had been a sheepman. His real name was Hector, but he had been rechristened after his range to distinguish him from "Elm Creek" Johnson, who ran sheep further down the Frio.</p>	<p>В недавнем прошлом Сухой Лог был овцеводом. При рождении он получил имя Гектор, но впоследствии его переименовали по его ранчо, в отличие от другого Джонсона, который разводил овец ниже по течению Фрио и назывался Джонсон Ильмовый Ручей.</p>
<p>Many years of living face to face with sheep on their own terms wearied Dry Valley Johnson. So, he sold his ranch for eighteen thousand dollars and moved to Santa Rosa to live a life of gentlemanly ease. Being a silent and melancholy person of thirty-five-or perhaps thirty-eight-he soon became that cursed and earth-cumbering thing-an elderlyish bachelor with a hobby. Some one gave him his first strawberry to eat, and he was done for.</p>	<p>Жизнь в обществе овец и по их обычаям под конец прискучила Джонсону Сухому Логу. Тогда он продал свое ранчо за восемнадцать тысяч долларов, перебрался в Санта-Розу и стал вести праздный образ жизни, как подобает человеку со средствами. Ему было лет тридцать пять или тридцать восемь, он был молчалив и склонен к меланхолии, и очень скоро из него выработался законченный тип самой скучной и удручающей человеческой породы - пожилой холостяк с любимым коньком. Кто-то угостил его клубникой, которой он до тех пор никогда не пробовал, - и Сухой Лог погиб.</p>
<p>Dry Valley bought a four-room cottage in the village, and a library on strawberry culture. Behind the cottage was a garden of which he made a strawberry patch. In his old grey woolen shirt, his brown duck trousers, and high-heeled boots he sprawled all day on a canvas cot under a live-oak tree at his back door studying the history of the seductive, scarlet berry.</p>	<p>Он купил в Санта-Розе домишко из четырех комнат и набил шкафы руководствами по выращиванию клубники. Позади дома был сад; Сухой Лог пустил его весь под клубничные грядки. Там он и проводил свои дни одетый в старую серую шерстяную рубашку, штаны из коричневой парусины и сапоги с высокими каблуками, он с утра до</p>

	ночи валялся на раскладной койке под виргинским дубом возле кухонного крыльца и штудировал историю полонившей его сердце пурпуровой ягоды.
The school teacher, Miss De Witt, spoke of him as "a fine, presentable man, for all his middle age." But, the focus of Dry Valley's eyes embraced no women. They were merely beings who flew skirts as a signal for him to lift awkwardly his heavy, round-crowned, broad-brimmed felt Stetson whenever he met them, and then hurry past to get back to his beloved berries.	Учительница в тамошней школе, мисс Де Витт, находила, что Джонсон, "хотя и не молод, однако еще весьма представительный мужчина". Но женщины не привлекали взоров Сухого Лога. Для него они были существа в юбках - не больше; и, увидев развевающийся подол, он неуклюже приподнимал над головой тяжелую, широкополую поярковую шляпу и проходил мимо, спеша вернуться к своей возлюбленной клубнике.
And all this recitative by the chorus is only to bring us to the point where you may be told why Dry Valley shook up the insoluble sulphur in the bottle. So long-drawn and inconsequential a thing is history-the anamorphous shadow of a milestone reaching down the road between us and the setting sun.	Все это вступление, подобно хорам в древнегреческих трагедиях, имеет единственной целью подвести вас к тому моменту, когда уже можно будет сказать, почему Сухой Лог встряхивал бутылку с нерастворяющейся серой. Такое уж неторопливое и не прямое дело-история: изломанная тень от верстового столба, лежащая на дороге, по которой мы стремимся к закату.
When his strawberries were beginning to ripen Dry Valley bought the heaviest buggy whip in the Santa Rosa store. He sat for many hours under the live oak tree plaiting and weaving in an extension to its lash. When it was done he could snip a leaf from a bush twenty feet away with the cracker. For the bright, predatory eyes of Santa Rosa youth were watching the ripening berries, and Dry Valley was arming himself against their expected raids. No greater care had he taken of his tender lambs during his ranching days than he did of his cherished fruit, warding it from the hungry wolves that whistled and howled and shot their marbles and peered through the fence that surrounded his property.	Когда клубника начала поспевать, Сухой Лог купил самый тяжелый кучерский кнут, какой нашелся в деревенской лавке. Не один час провел он под виргинским дубом, сплетая в жгут тонкие ремешки и приращивал к своему кнуту конец, пока в руках у него не оказался бич такой длины, что им можно было сбить листок с дерева на расстоянии двадцати футов. Ибо сверкающие глаза юных обитателей Санта-Розы давно уже следили за созреванием клубники, и Сухой Лог вооружался против ожидаемых набегов. Не так он лелеял новорожденных ягнят в свои овцеводческие дни, как теперь свои драгоценные ягоды, охраняя их от голодных волков, которые свистали, орали, играли в шарики и запускали хищные взгляды сквозь изгородь, окружавшую владения Сухого Лога.
In the house next to Dry Valley's lived a widow with a pack of children that gave the husbandman frequent anxious misgivings. In the woman there was a strain of the Spanish. She had wedded one of the name of O'Brien. Dry Valley was a connoisseur in cross strains; and he foresaw trouble in the offspring of this union.	В соседнем доме проживала вдова с многочисленным потомством - его-то главным образом и опасался наш садовод. В жилах вдовы текла испанская кровь, а замуж она вышла за человека по фамилии О'Брайн. Сухой Лог был знатоком по части скрещивания пород и предвидел большие

	неприятности от отпрысков этого союза.
Between the two homesteads ran a crazy picket fence overgrown with morning glory and wild gourd vines. Often he could see little heads with mops of black hair and flashing dark eyes dodging in and out between the pickets, keeping tabs on the reddening berries.	Сады разделяла шаткая изгородь, увитая вьюнком и плетями дикой тыквы. И часто Сухой Лог видел, как в просветы между кольями просовывалась то одна, то другая маленькая голова с копной черных волос и горящими черными глазами, ведя счет краснеющим ягодам.
Late one afternoon Dry Valley went to the post office. When he came back, like Mother Hubbard he found the deuce to pay. The descendants of Iberian bandits and Hibernian cattle raiders had swooped down upon his strawberry patch. To the outraged vision of Dry Valley there seemed to be a sheep corral full of them; perhaps they numbered five or six. Between the rows of green plants they were stooped, hopping about like toads, gobbling silently and voraciously his finest fruit.	Однажды под вечер Сухой Лог отправился на почту. Вернувшись, он увидел, что сбылись худшие его опасения - потомки испанских бандитов и ирландских угонщиков скота всей шайкой учинили налет на клубничные плантации. Оскорбленному взору Сухого Лога представилось, что их там полным-полно, как овец в загоне; на самом деле их было пятеро или шестеро. Они сидели на корточках между грядками, перепрыгивали с места на место, как жабы, и молча и торопливо пожирали отборные ягоды.
Dry Valley slipped into the house, got his whip, and charged the marauders. The lash curled about the legs of the nearest-a greedy ten-year-old-before they knew they were discovered. His screech gave warning; and the flock scampered for the fence like a drove of javelis flushed in the chaparral. Dry Valley's whip drew a toll of two more elfin shrieks before they dived through the vine-clad fence and disappeared.	Сухой Лог неслышно отступил в дом, захватил свой кнут и ринулся в атаку на мародеров. Они и оглянуться не успели, как ременный бич обвился вокруг ног десятилетнего грабителя, орудовавшего ближе всех к дому. Его пронзительный визг послужил сигналом тревоги -все кинулись к изгороди, как вспугнутый в чапаррале выводок кабанов. Бич Сухого Лога исторг у них на пути еще несколько демонских воплей, а затем они нырнули под обвитые зеленые жерди и исчезли.
Dry Valley, less fleet, followed them nearly to the pickets. Checking his useless pursuit, he rounded a bush, dropped his whip and stood, voiceless, motionless, the capacity of his powers consumed by the act of breathing and preserving the perpendicular.	Сухой Лог, не столь легкий на ногу, преследовал их до самой изгороди, но где же их поймать. Прекратив бесцельную погоню, он вышел из-за кустов - и вдруг выронил кнут и застыл на месте, утратив дар слова и движения, ибо все наличные силы его организма ушли в этот миг на то, чтобы кое-как дышать и сохранять равновесие.
Behind the bush stood Panchita O'Brien, scorning to fly. She was nineteen, the oldest of the raiders. Her night-black hair was gathered back in a wild mass and tied with a scarlet ribbon. She stood, with reluctant feet, yet nearer the brook than to the river; for childhood had envired and detained her.	За кустом стояла Панчита О'Брайан, старшая из грабителей, не удостоившая обратиться в бегство. Ей было девятнадцать лет, черные как ночь кудри спутанным ворохом спадали ей на спину, перехваченные алой лентой. Она ступила уже на грань, отделяющую ребенка от женщины, но медлила ее перешагнуть; детство еще обнимало ее и не хотело выпустить из своих объятий.
She looked at Dry Valley Johnson for a moment	Секунду она с невозмутимой дерзостью

<p>with magnificent insolence, and before his eyes slowly crunched a luscious berry between her white teeth. Then she turned and walked slowly to the fence with a swaying, conscious motion, such as a duchess might make use of in leading a promenade. There she turned again and grilled Dry Valley Johnson once more in the dark flame of her audacious eyes, laughed a trifle school-girlishly, and twisted herself with pantherish quickness between the pickets to the O'Brien side of the wild gourd vine.</p>	<p>смотрела на Сухого Лога, затем у него на глазах прикусила белыми зубами сочную ягоду и не спеша разжевала. Затем повернулась и медленной, плавной походкой величественно направилась к изгороди, словно вышедшая на прогулку, герцогиня. Тут она опять повернулась, обожгла еще раз Сухого Лога темным пламенем своих нахальных глаз, хихикнула, как школьница, и гибким движением, словно пантера, проскользнула между жердями на ту сторону цветущей изгороди.</p>
<p>Dry Valley picked up his whip and went into his house. He stumbled as he went up the two wooden steps. The old Mexican woman who cooked his meals and swept his house called him to supper as he went through the rooms. Dry Valley went on, stumbled down the front steps, out the gate and down the road into a mesquite thicket at the edge of town. He sat down in the grass and laboriously plucked the spines from a prickly pear, one by one. This was his attitude of thought, acquired in the days when his problems were only those of wind and wool and water.</p>	<p>Сухой Лог поднял с земли свой кнут и побрел к дому. На кухонном крыльце он споткнулся, хотя ступенек было всего две. Старуха мексиканка, приходившая убирать и стряпать, позвала его ужинать. Не отвечая, он прошел через кухню, потом через комнаты, споткнулся на ступеньках парадного крыльца, вышел на улицу и побрел к мескитовой рощице на краю деревни. Там он сел на землю и принялся аккуратно ощипывать колючки с куста опунции. Так он всегда делал в минуты раздумья, усвоив эту привычку еще в те дни, когда единственным предметом его размышлений был ветер, вода и шерсть.</p>
<p>A thing had happened to the man-a thing that, if you are eligible, you must pray may pass you by. He had become enveloped in the Indian Summer of the Soul.</p>	<p>С Сухим Логом стряслась беда - такая беда, что я советую вам, если вы хоть сколько-нибудь годитесь еще в женихи, помолиться богу, чтобы она вас миновала. На него накатило бабье лето.</p>
<p>Dry Valley had had no youth. Even his childhood had been one of dignity and seriousness. At six he had viewed the frivolous gambols of the lambs on his father's ranch with silent disapproval. His life as a young man had been wasted. The divine fires and impulses, the glorious exaltations and despairs, the glow and enchantment of youth had passed above his head. Never a thrill of Romeo had he known; he was but a melancholy Jaques of the forest with a ruder philosophy, lacking the bitter-sweet flavour of experience that tempered the veteran years of the rugged ranger of Arden. And now in his sere and yellow leaf one scornful look from the eyes of Panchita O'Brien had flooded the autumnal landscape with a tardy and delusive summer heat.</p>	<p>Сухой Лог не знал молодости. Даже в детстве он был на редкость серьезным и степенным. Шести лет он с молчаливым неодобрением взирал на легкомысленные прыжки ягнят, резвившихся на лугах отцовского ранчо. Годы юности он потратил зря. Божественное пламя, сжигающее сердце, ликующая радость и бездонное отчаяние, все порывы, восторги, муки и блаженства юности прошли мимо него. Страсти Ромео никогда не волновали его грудь; он был меланхолическим Жаком - но с более суровой философией, ибо ее не смягчала горькая сладость воспоминаний, скрашивавших одинокие дни арденнского отшельника. А теперь, когда на Сухого Лога уже дышала осень, один-единственный презрительный взгляд черных очей Панчиты О'Брайан овеял его вдруг запоздалым и обманчивым летним теплом.</p>

But a sheepman is a hardy animal. Dry Valley Johnson had weathered too many northers to turn his back on a late summer, spiritual or real. Old? He would show them.	Но овцевод - упрямое животное. Сухой Лог столько перенес зимних бурь, что не согласен был теперь отвернуться от погожего летнего дня, мнимого или настоящего. Слишком стар? Ну, это еще посмотрим.
By the next mail went an order to San Antonio for an outfit of the latest clothes, colours and styles and prices no object. The next day went the recipe for the hair restorer clipped from a newspaper; for Dry Valley's sunburned auburn hair was beginning to turn silvery above his ears.	Со следующей почтой в Сан-Антонио был послан заказ на мужской костюм по последней моде со всеми принадлежностями: цвет и покрой по усмотрению моды, цена безразлична. На другой день туда же отправился рецепт восстановителя для волос, вырезанный из воскресной газеты, ибо выгоревшая на солнце рыжевато- каштановая шевелюра Сухого Лога начинала уже серебриться на висках.
Dry Valley kept indoors closely for a week except for frequent sallies after youthful strawberry snatchers. Then, a few days later, he suddenly emerged brilliantly radiant in the hectic glow of his belated midsummer madness.	- Целую неделю Сухой Лог просидел дома, не считая частых вылазок против юных расхитителей клубники. А затем, по прошествии еще нескольких дней, он внезапно предстал изумленным взглядам обитателей Санта-Розы во всем горячем блеске своего осеннего безумия.

A jay-bird-blue tennis suit covered him outwardly, almost as far as his wrists and ankles. His shirt was ox-blood; his collar winged and tall; his necktie a floating oriflamme; his shoes a venomous bright tan, pointed and shaped on penitential lasts. A little flat straw hat with a striped band desecrated his weather-beaten head. Lemon-coloured kid gloves protected his oak-tough hands from the benignant May sunshine. This sad and optic-smiting creature teetered out of its den, smiling foolishly and smoothing its gloves for men and angels to see. To such a pass had Dry Valley Johnson been brought by Cupid, who always shoots game that is out of season with an arrow from the quiver of Momus. Reconstructing mythology, he had risen, a prismatic macaw, from the ashes of the grey-brown phoenix that had folded its tired wings to roost under the trees of Santa Rosa.	Ярко-синий фланелевый костюм облекал его с головы до пят. Из-под него выглядывала рубашка цвета бычьей крови и высокий воротничок с отворотами; пестрый галстук развевался как знамя. Ядовито желтые ботинки с острыми носами сжимали, как в тисках, его ноги. Крошечное канотье с полосатой лентой оскверняло закаленную в бурях голову. Лимонного цвета лайковые перчатки защищали жесткие как древесина руки от кротких лучей майского солнца. Эта поражающая взор и возмущающая разум фигура, прихрамывая и разглаживая перчатки, выползла из своего логова и остановилась посреди улицы с идиотической улыбкой на устах, пугая людей и заставляя ангелов отвращать лицо свое. Вот до чего довел Сухого Лога Амур, который, когда случается ему стрелять свою дичь вне сезона, всегда заимствует для этого стрелу из колчана Момуса. Выворачивая мифологию наизнанку, он восстал, как отливающий всеми цветами радуги попугай, из пепла серо - коричневого феникса, сложившего усталые крылья на своем насесте под деревьями Санта-Розы.
Dry Valley paused in the street to allow Santa Rosans within sight of him to be stunned; and then deliberately and slowly, as his shoes	Сухой Лог постоял на улице, давая время соседям вдоволь на себя налюбоваться, затем, бережно ступая, как того требовали

required, entered Mrs. O'Brien's gate.	его ботинки, торжественно прошествовал в калитку миссис О'Брайан.
Not until the eleven months' drought did Santa Rosa cease talking about Dry Valley Johnson's courtship of Panchita O'Brien. It was an unclassifiable procedure; something like a combination of cake-walking, deaf-and-dumb oratory, postage stamp flirtation and parlour charades. It lasted two weeks and then came to a sudden end.	Об ухаживании Сухого Лога за Панчитой О'Брайан в Санта-Розе судачили, не покладая языков, до тех пор, пока одиннадцатимесячная засуха не вытеснила эту тему. Да и как было о нем не говорить; это было никем дотоле невиданное и не поддающееся никакой классификации явление - нечто среднее между кек-уоком, красноречием глухонемых, флиртом с помощью почтовых марок живыми картинками. Оно продолжалось две недели, затем неожиданно кончилось.
Of course Mrs. O'Brien favoured the match as soon as Dry Valley's intentions were disclosed. Being the mother of a woman child, and therefore a charter member of the Ancient Order of the Rat-trap, she joyfully decked out Panchita for the sacrifice. The girl was temporarily dazzled by having her dresses lengthened and her hair piled up on her head, and came near forgetting that she was only a slice of cheese. It was nice, too, to have as good a match as Mr. Johnson paying you attentions and to see the other girls fluttering the curtains at their windows to see you go by with him.	Миссис О'Брайан, само собой разумеется, благосклонно отнеслась к сватовству Сухого Лога, когда он открыл ей свои намерения. Будучи матерью ребенка женского пола, а стало быть, одним из членов учредителей Древнего Ордена Мышеловки, она с восторгом принялась убирать Панчиту для жертвоприношения. Ей удлиннили платья, а непокорные кудри уложили в прическу. Панчите даже стало казаться, что она и в самом деле взрослая. К тому же приятно было думать, что вот за ней ухаживает настоящий мужчина, человек с положением и завидный жених, и чувствовать, что, когда они вместе идут по улице, все остальные девушки провожают их взглядом, прячась за занавесками.
Dry Valley bought a buggy with yellow wheels and a fine trotter in San Antonio. Every day he drove out with Panchita. He was never seen to speak to her when they were walking or driving. The consciousness of his clothes kept his mind busy; the knowledge that he could say nothing of interest kept him dumb; the feeling that Panchita was there kept him happy.	Сухой Лог купил в Сан-Антонио кабриолет с желтыми колесами и отличного рысака. Каждый день он возил Панчиту кататься, но ни разу никто не видал, чтобы Сухой Лог при этом разговаривал со своей спутницей. Столь же молчалив бывал он и во время пешеходных прогулок. Мысль о своем костюме повергала его в смущение; уверенность, что он не может сказать ничего интересного, замыкала ему уста; близость Панчиты наполняла его немым блаженством.
He took her to parties and dances, and to church. He tried-oh, no man ever tried so hard to be young as Dry Valley did. He could not dance; but he invented a smile which he wore on these joyous occasions, a smile that, in him, was as great a concession to mirth and gaiety as turning hand-springs would be in another. He began to seek the company of the young men in the town-even of the boys. They accepted him as a	Он водил ее на вечеринки, на танцы и в церковь. Он старался быть молодым - от сотворения мира никто, наверно, не тратил на это столько усилий. Танцевать он не умел, но он сочинил себе улыбку и надевал ее на лицо во всех случаях, когда полагалось веселиться, и это было для него таким проявлением резвости, как для другого - пройтись колесом. Он стал искать общества

decided damper, for his attempts at sportiveness were so forced that they might as well have essayed their games in a cathedral. Neither he nor any other could estimate what progress he had made with Panchita.	молодых людей, даже мальчиков - и действовал на них как ушат холодной воды; от его потуг на игривость им становилось не по себе, как будто им предлагали играть в чехарду в соборе. Насколько он преуспел в своих стараниях завоевать сердце Панчиты, этого ни он сам и никто другой не мог бы сказать.
The end came suddenly in one day, as often disappears the false afterglow before a November sky and wind.	Конец наступил внезапно - как разом меркнет призрачный отблеск вечерней зари, когда дохнет ноябрьский ветер, несущий дождь и холод.
Dry Valley was to call for the girl one afternoon at six for a walk. An afternoon walk in Santa Rosa was a feature of social life that called for the pink of one's wardrobe. So Dry Valley began gorgeously to array himself; and so early that he finished early, and went over to the O'Brien cottage. As he neared the porch on the crooked walk from the gate he heard sounds of revelry within. He stopped and looked through the honeysuckle vines in the open door.	В шесть часов вечера Сухой Лог должен был зайти за Панчитой и повести ее на прогулку. Вечерняя прогулка в Санта-Розе - это такое событие, что являться на нее надо в полном параде. И Сухой Лог загодя начал облачаться в свой ослепительный костюм. Начав рано, он рано и кончил и не спеша направился в дом О'Брайанов. Дорожка шла к крыльцу не прямо, а делала поворот и, пока Сухой Лог огибал куст жимолости, до его ушей донеслись звуки буйного веселья. Он остановился и заглянул сквозь листву в распахнутую дверь дома.
Panchita was amusing her younger brothers and sisters. She wore a man's clothes-no doubt those of the late Mr. O'Brien. On her head was the smallest brother's straw hat decorated with an ink-striped paper band. On her hands were flapping yellow cloth gloves, roughly cut out and sewn for the masquerade. The same material covered her shoes, giving them the semblance of tan leather. High collar and flowing necktie were not omitted.	Панчита потешала своих младших братьев и сестер. На ней был пиджак и брюки, должно быть некогда принадлежавшие покойному мистеру О'Брайану. На голове торчком сидела соломенная шляпа самого маленького из братьев, с бумажной лентой в чернильных полосках. На руках болтались желтые коленкоровые перчатки, специально скроенные и сшитые для этого случая. Туфли были обернуты той же материей, так что могли, пожалуй, сойти за ботинки из желтой кожи. Высокий воротничок и развевающийся галстук тоже не были забыты.
Panchita was an actress. Dry Valley saw his affectedly youthful gait, his limp where the right shoe hurt him, his forced smile, his awkward simulation of a gallant air, all reproduced with startling fidelity. For the first time a mirror had been held up to him. The corroboration of one of the youngsters calling, "Mamma, come and see Pancha do like Mr. Johnson," was not needed.	Панчита была прирожденной актрисой. Сухой Лог узнал свою нарочито юношескую походку с прихрамыванием на правую ногу, натертую тесным башмаком, свою принужденную улыбку, свои неуклюжие попытки играть роль галантного кавалера - все было передано с поразительной верностью. Впервые Сухой Лог увидел себя со стороны, словно ему поднесли вдруг зеркало. И совсем не нужно было подтверждение, которое не замедлило последовать. "Мама, иди посмотри, как Панчита представляет мистера Джонсона",

	-закричал один из малышей.
As softly as the caricatured tans would permit, Dry Valley tiptoed back to the gate and home again.	Так тихо, как только позволяли осмеянные желтые ботинки, Сухой Лог повернулся и на цыпочках пошел обратно к калитке, а затем к себе домой.
Twenty minutes after the time appointed for the walk Panchita tripped demurely out of her gate in a thin, trim white lawn and sailor hat. She strolled up the sidewalk and slowed her steps at Dry Valley's gate, her manner expressing wonder at his unusual delinquency.	Через двадцать минут после назначенного для прогулки часа Панчита в батистовом белом платье и плоской соломенной шляпе чинно вышла из своей калитки и проследовала далее по тротуару. У соседнего дома она замедлила шаги, всем своим видом выражая удивление по поводу столь необычной неаккуратности своего кавалера.
Then out of his door and down the walk strode-not the polychromatic victim of a lost summertime, but the sheepman, rehabilitated. He wore his old grey woolen shirt, open at the throat, his brown duck trousers stuffed into his run-over boots, and his white felt sombrero on the back of his head. Twenty years or fifty he might look; Dry Valley cared not. His light blue eyes met Panchita's dark ones with a cold flash in them. He came as far as the gate. He pointed with his long arm to her house.	Тогда дверь в доме Сухого Лога распахнулась, и он сам сошел с крыльца - не раскрашенный во все цвета спектра охотник за улетевшим летом, а восстановленный в правах овцевод. На нем была серая шерстяная рубашка, раскрытая у ворота, штаны из коричневой парусины, заправленные в высокие сапоги, и сдвинутое на затылок белое сомбреро. Двадцать лет ему можно было дать или пятьдесят - это уже не заботило Сухого Лога. Когда его бледно-голубые глаза встретились с ясным взором Панчиты, в них появился ледяной блеск. Он подошел к калитке и остановился. Длинной своей рукой он показал на дом О'Брайанов.
"Go home," said Dry Valley. "Go home to your mother. I wonder lightnin' don't strike a fool like me. Go home and play in the sand. What business have you got cavortin' around with grown men? I reckon I was locoed to be makin' a he poll-parrot out of myself for a kid like you. Go home and don't let me see you no more. Why I done it, will somebody tell me? Go home, and let me try and forget it."	- Ступай домой, - сказал он. - Домой, к маме. Надо же быть таким дураком! Как еще меня земля терпит! Иди себе, играй в песочек. Нечего тебе вертеться около взрослых мужчин. Где был мой рассудок, когда я строил из себя попугая на потеху такой девчонке! Ступай домой и чтобы я больше тебя не видел. Зачем я все это проделывал, хоть бы кто-нибудь мне объяснил! Ступай домой, а я постараюсь про все это забыть.
Panchita obeyed and walked slowly toward her home, saying nothing. For some distance she kept her head turned and her large eyes fixed intrepidly upon Dry Valley's. At her gate she stood for a moment looking back at him, then ran suddenly and swiftly into the house.	Панчита повиновалась и, не говоря ни слова медленно пошла к своему дому. Но идя, она все время оборачивалась назад, и ее большие бесстрашные глаза не отрывались от Сухого Лога. У калитки она постояла с минуту, все так же глядя на него, потом вдруг повернулась и быстро вбежала в дом.
Old Antonia was building a fire in the kitchen stove. Dry Valley stopped at the door and laughed harshly.	Старуха Антония растапливала плиту в кухне. Сухой Лог остановился в дверях и жестко рассмеялся.
"I'm a pretty looking old rhinoceros to be gettin' stuck on a kid, ain't I, 'Tonia?" said he.	- Ну разве не смешно? - сказал он. - А, Тония? Этаким старый носорог и втюрился в

	девчонку.
"Not verree good thing," agreed Antonia, sagely, "for too much old man to likee muchacha."	Антония кивнула. - Нехорошо, -глубокомысленно заметила она, - когда чересчур старый любит muchacha.
"You bet it ain't," said Dry Valley, grimly. "It's dum foolishness; and, besides, it hurts."	- Что уж хорошего, - мрачно отозвался Сухой Лог.- Дурость и больше ничего. И вдобавок от этого очень больно.
He brought at one armful the regalia of his aberration-the blue tennis suit, shoes, hat, gloves and all, and threw them in a pile at Antonia's feet.	Он принес в охапке все атрибуты своего безумия -синий костюм, ботинки, перчатки, шляпу - и свалил их на пол у ног Антонии.
"Give them to your old man," said he, "to hunt antelope in."	- Отдай своему старику, - сказал он. - Пусть в них охотится на антилопу.
Just as the first star presided palely over the twilight Dry Valley got his biggest strawberry book and sat on the back steps to catch the last of the reading light. He thought he saw the figure of someone in his strawberry patch. He laid aside the book, got his whip and hurried forth to see.	Когда первая звезда слабо затеплилась на вечернем, небе. Сухой Лог достал свое самое толстое руководство по выращиванию клубники и уселся на крылечке почитать, пока еще светло. Тут ему показалось, что на клубничных грядках маячит какая-то фигура. Он отложил книгу, взял кнут и отправился на разведку.
It was Panchita. She had slipped through the picket fence and was half-way across the patch. She stopped when she saw him and looked at him without wavering.	Это была Панчита. Она незаметно проскользнула сквозь изгородь и успела уже дойти до середины сада. Увидев Сухого Лога, она остановилась и обратила к нему бестрепетный взгляд.
A sudden rage-a humiliating flush of unreasoning wrath-came over Dry Valley. For this child he had made himself a motley to the view. He had tried to bribe Time to turn backward for himself; he had-been made a fool of. At last he had seen his folly. There was a gulf between him and youth over which he could not build a bridge even with yellow gloves to protect his hands. And the sight of his torment coming to pester him with her elfin pranks-coming to plunder his strawberry vines like a mischievous schoolboy-roused all his anger.	Слепая ярость овладела Сухим Логом. Сознание своего позора переродилось в неудержимый гнев. Ради этого ребенка он выставил себя на посмешище. Он пытался подкупить время, чтобы оно, ради его прихоти, обратилось вспять - и над ним надсмеялись. Но теперь он понял свое безумие. Между ним и юностью лежала пропасть, через которую нельзя было построить мост - даже если надеть для этого желтые перчатки. И при виде этой мучительницы, явившейся донимать его новыми проказами, словно озорной мальчишка, злоба наполнила душу Сухого Лога.
"I told you to keep away from here," said Dry Valley. "Go back to your home."	- Сказано тебе, не смей сюда ходить! - крикнул он. - Ступай домой!
Panchita moved slowly toward him.	Панчита подошла ближе.
Dry Valley cracked his whip.	Сухой Лог щелкнул бичом.
"Go back home," said Dry Valley, savagely, "and play theatricals some more. You'd make a fine man. You've made a fine one of me."	- Ступай домой! - грозно повторил он. - Можешь там разыгрывать свои комедии. Из тебя вышел бы недурной мужчина. Из меня ты сделала такого, что лучше не придумать!
She came a step nearer, silent, and with that strange, defiant, steady shine in her eyes that had	Она подвинулась еще ближе - молча, с тем странным, дразнящим, таинственным

always puzzled him. Now it stirred his wrath.	блеском в глазах, который всегда так смущал Сухого Лога. Теперь он пробудил в нем бешенство.
His whiplash whistled through the air. He saw a red streak suddenly come out through her white dress above her knee where it had struck.	Бич свистнул в воздухе. На белом платье Панчиты повыше колена проступила алая полоска.
Without flinching and with the same unchanging dark glow in her eyes, Panchita came steadily toward him through the strawberry vines. Dry Valley's trembling hand released his whip handle. When within a yard of him Panchita stretched out her arms.	Не дрогнув, все с тем же загадочным темным огнем в глазах, Панчита продолжала идти прямо к нему, ступая по клубничным грядкам. Бич выпал из его дрожащих пальцев. Когда до Сухого Лога оставался один шаг, Панчита протянула к нему руки.
"God, kid!" stammered Dry Valley, "do you mean-?"	- Господи! Девочка!.. - заикаясь, пробормотал Сухой Лог. - Неужели ты...
But the seasons are versatile; and it may have been Springtime, after all, instead of Indian Summer, that struck Dry Valley Johnson.	Времена года могут иной раз и сдвинуться. И кто знает, быть может, для Сухого Лога настало в конце концов не бабье лето, а самая настоящая весна.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](http://Royallib.com)
[Оставить отзыв о книге](#)
[Все книги автора](#)